

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МИРОВОСПРИЯТИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА

Изменения в хозяйстве, освоение новых его форм связано с изменениями во всех сферах жизни общества. Особенно кардинальный характер носили эти изменения в древности, в пору освоения земледелия и скотоводства. Впервые люди взяли в свои руки производство продуктов питания, что не могло не поставить их в новые отношения с природой. Обособление от нее, противопоставление себя ей — одно из условий активного использования природных благ, их изменения, приспособления к своим потребностям; оно начинает приобретать в эту эпоху отчетливый облик. Такого противопоставления не могло сложиться на предшествующей стадии развита, в условиях охотничье-собирающего хозяйства палеолита и мезолита. С установлением земледельческо-скотоводческого хозяйства начинает складываться система, развитие которой привело к формированию первых цивилизаций и в конечном счете — высоко развитых общественных образований современности. Эта относительная историческая близость культуры носителей раннего производящего хозяйства к нашей культуре позволяет со значительной долей вероятности реконструировать ее явления, в том числе те, которые позже выделились в относительно самостоятельную сферу духовной культуры. Один из наиболее перспективных в плане таких реконструкций очагов — переднеазиатский.

Основным источником реконструкций являются археологические свидетельства. Поскольку в эпоху первобытности материальное и духовное производства еще были тесно слиты, вещественные памятники, даже бытовые, содержат информацию о мировосприятии, обрядах, мифологических представлениях в большей степени, чем создания людей дифференцированных обществ. Богатство материальной культуры носителей производящего хозяйства резко возрастает по сравнению с предшествующим периодом: отношения с природным окружением и между людьми теряют былую непосредственность. Широкое применение неорганических материалов, целесообразное в условиях оседлого быта, создало возможность сохранения в земле построек, утвари, разнообразных орудий и оружия, элементов костюма, скульптурных и иных изображений и т. д. Расширение сферы материальной культуры связано с нарастанием тенденций овеществления культурных знаков, появления новых.

Одно из важнейших следствий освоения производящего хозяйства — переход к оседлому образу жизни. На смену временным поселениям появляются постоянные, в которых сосредоточиваются теперь те виды деятельности, которые прежде осуществлялись за пределами поселений. Коллектив прочнее, чем прежде, связан с местом своего проживания, которое начинает восприниматься как центр окружающей территории. В поселение постепенно «стягиваются» важные с точки зрения людей элементы окружающего пространства, приобретающие облик знаков. Оно становится микрокосмосом образ мира. Здесь начинают отправлять обряды, которые прежде проводили в пещерах, лесах, в природном окружении, а те, которые продолжат совершать в природных условиях, максимально приближаются к поселению.

Образ упорядоченного поселения, конструируемого по заранее разработанному плану, формируется постепенно. На первых этапах жилища в плане круглые, их расположение как будто случайно; погребения на территории поселений относительно редки, следы обрядов почти не прослеживаются. Но уже в VIII—VII тыс. до н. э. появляются прямоугольные в плане жилища, в расположении которых обнаруживается четкая система; на поселениях сосредоточиваются разнообразные виды деятельности, систематически в их пределах начинают погребать умерших. Чрезвычайно интересным и показательным памятником этого времени является Чатал Хююк, в котором наряду

с новыми явлениями отчетливо прослеживаются следы охотничьей культуры. В некоторых из жилых построек периодически совершали обряды, для чего в них устанавливали головы диких быков, делали на стенах рельефные изображения женских существ, хищных и травоядных животных, рисовали сцены разнообразного обрядового содержания, в том числе охоты. Очень вероятно, что в процессе этих периодических обрядов под полами и лежанками захоранивали останки умерших. В обрядах использовали небольшие статуэтки антропоморфных существ женского и мужского пола, при этом первые обнаруживают связи с хищным животным — леопардом, вторые — с быком.

Знаменателен переход к архитектуре прямоугольного плана: он говорит о формировании образа «конструируемого», геометризованного центрического (хотя и качественно окрашенного) пространства, пришедшего на смену «переживаемому», линейному пространству неоседлых охотников и собирателей. Поселение и его обитатели мыслятся пребывающими в центре мира, вокруг них располагаются зоны, все более опасные и чужие по мере удаления. В эту пору начинают складываться классификации, в основе которых лежат бинарные оппозиции.

Переход к производящему хозяйству и оседлости, относительное обособление от природы нашло выражение в росте значения вертикального родства. Особое значение приобретают образы умерших, предков, с которыми стремятся сохранить максимум близости, для чего их погребения помещают на поселениях, иногда даже в жилых домах. Вероятно, образы предков-людей отчасти контаминируют с образами предков-животных, растений и др., собственными тотемизму, но очевидно, что образы людей начинают играть в картине мира все большую роль. В формирующемся противопоставлении «своего» и «чужого» мира, где свой — это мир людей, а чужой — мир природы, духов, образы умерших играют роль посредников, сближаясь с духами природных явлений, духами различных локусов, в том числе столь важной для земледельцев земли, почвы. Потребность «присутствия» при совершении обрядов мифологизированных умерших вызвали появление антропоморфной скульптуры, в том числе своеобразных «портретов» — голов, восстановленных при помощи пластичной массы на черепах умерших, известных пока лишь в поселениях докерамического неолита Палестины и Сирии. С образами умерших, вероятно, связаны и характерные для культуры ранних земледельцев и скотоводов небольшие скульптурные изображения женщин, реже — мужчин. Использование и создание для обрядов различных вещей и изображений — свидетельство роста осознания возможностей влияния на окружающий мир, расширения сферы, моделирования процессов.

Явно возрастает способность людей планировать все более усложняющуюся деятельность — разведение различных растений и животных (сопровождающееся отбором), производство новых видов орудий, строительство, возведение ирригационных сооружений, обмен сырьем и готовыми изделиями. Стремление к освоению новых видов деятельности выразилось и в очень ранних — уже в VIII—VII тыс. до н. э. — опытах по получению металлов. Накопление знаний и развитие производства позволило освоить Нижнюю Месопотамию, где земледелие было невозможно без достаточно высоко-развитой ирригации.

Общественная организация ранних земледельцев и скотоводов была основана на принципах равенства (что не исключает существования групп, обладавших различным престижем), коллективизме, половозрастном разделении труда. Личность еще не выделилась из коллектива. Структура общественной жизни в целом находит соответствие в обрядовой практике, в характере представлений о мифологических персонажах. Целый ряд фактов свидетельствует о том, что обрядовые действия носили коллективный характер, а руководство ими осуществлялось в соответствии с половозрастным делением общины. Сакральная и профанная сферы были еще слабо разделены; не существовало святилищ или храмов — мест пребывания богов. Мифологические персонажи, с которыми поддерживался контакт, были многочисленными, и

их «сообщества» были «открытыми». Явление было тесно связано с формой проявления, поэтому духам природы, духам растений и животных не придавали визуально антропоморфного облика (хотя поведение их воспринималось как человеческое), и, вероятно, в обрядах они фигурировали в своем непосредственном образе (дух злака — в снопе, дух растения — в дереве; к солнцу, воде, ветру обращались непосредственно). Образы богов еще не сформировались.

Общества равных земледельцев и скотоводов Передней Азии были позднерывыбытными. Явления, приведшие в конце концов к гибели первобытнообщинного строя, начали складываться с установлением производящего хозяйства. С этого момента до полного разложения в передовых областях Передней Азии прошло примерно пять тысячелетий. С развитием ирригации получение избыточного продукта становится постоянным. Упрочиваются межобщинные связи, растет значение обмена. В настоящее время выдвигаются предположения о формировании в VI—V тыс. до н. э. в Месопотамии и Юго-Западном Иране такой системы поселений, которой соответствуют вождества. Разрушается первобытная целостность общественной жизни, растет значение функции управления, претерпевает изменения мифологическое восприятие мира. Явные свидетельства этих процессов обнаруживаются в так называемой убейдской культуре Месопотамии. Характерные для нее изделия распространены чрезвычайно широко, что предполагает большую активность людей, занимавшихся обменом. Потребности производства заставляют искать источники сырья, которым бедна Месопотамия. Появление храмов богов — вероятных центров общественной и хозяйственной жизни — говорит о том, что создаются крупные объединения многих общин; управление в этих условиях должно было стать прерогативой определенных групп, отделившихся в какой-то степени от общества. Процессы разложения идут достаточно медленно, но можно полагать, что уже общество носителей убейдской культуры стоит на пороге формирования древнейших государств.